

24. Депутатский корпус. Архив IV созыва [Электронный ресурс] // Национальное собрание. Палата представителей. – Режим доступа: <http://old.house.gov.by/index.php/5525,,,0,,,0.html>. – Дата доступа: 09.02.2020.

25. Структура и состав. Пятый созыв (с 18.10.2012 по 11.10.2016) [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru/sozyvy-ru/view/pjatyj-sozyv-14/>. – Дата доступа: 09.02.2020.

26. Структура и состав. Шестой созыв (с 11.10.2016 по 06.12.2019) [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru/sozyvy-ru/view/shestoj-sozyv-15/>. – Дата доступа: 09.02.2020.

27. Структура и состав. Седьмой созыв (с 06.12.2019 по настоящее время) [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru/sozyvy-ru/view/sedmoj-sozyv-18/>. – Дата доступа: 09.02.2020.

28. Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/senators-ru/>. – Дата доступа: 09.02.2020.

29. Percentage of women in national parliaments. Ranking as of 1st of January 2020 [Electronic resource] // Inter-parliamentary Union. – Mode of access: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=1&year=2020>. – Date of access: 09.02.2020.

(Дата подачи: 11.02.2020 г.)

Н. А. Антанович

Белорусский государственный университет, Минск

N. Antanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 321.7

ГРНТИ11.15.31: ДЕМОКРАТИЯ

ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА, ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЕАЛЬНОСТЬ XXI ВЕКА

THEORY OF DEMOCRATIC TRANSITIONS, PROMOTION OF DEMOCRACY AND REALITY OF THE XXI CENTURY

Статья посвящена изучению связи теории демократического транзита с практикой «продвижения демократии» в XXI веке. На основе краткого обзора теории демократического транзита определены требования к демократическим политическим системам, рассмотрена сущность процессов демократизации. Показано, что внешние причины демократизации воплощаются в практике «продвижения демократии», которая используется западными странами. Изучены базовые основания практики продвижения демократии, применяемой США и ЕС. Сделан вывод, что теория демократического транзита,

несмотря на ее критику, до сих пор сохраняет научное и практическое влияние и применяется для понимания процессов политических изменений.

Ключевые слова: демократия; демократический транзит; демократизация; продвижение демократии.

The article researches the relationships between the theory of democratic transitions and the practice of democracy promotion in the twenty-first century. Based on a brief overview of the theory of democratic transitions, the requirements for democratic political systems are determined, the processes of democratization is considered. It is shown that the external causes of democratization are embodied in the practice of “promoting democracy”, which is used by Western countries. The basic foundations of the practice of promoting democracy used by the USA and the EU are studied. It is concluded that the theory of democratic transition, despite its criticism, still retains scientific and practical influence and is still used to understand the processes of political change.

Keywords: democracy; democratic transit; democratization; democracy promotion.

В исторический период, ознаменованный гласностью, новым мышлением, провозглашением приоритета прав человека и общечеловеческих ценностей (в противовес классовым и групповым ценностям), декларированием конца «холодной войны», распадом социалистического блока и крушением СССР, демократия как политический термин и как научная концепция стала ключевой для политиков и ученых значительной части нашей планеты. «После холодной войны демократия приобрела статус мантры. Тем не менее, нет единого мнения о том, как концептуализировать и измерять политические режимы, чтобы можно было провести значимые сравнения во времени между странами» [1, с. 247].

Цель данной статьи – изучить связь теории демократического транзита с практикой «продвижения демократии» в XXI веке.

Теория модернизации, возникшая в 1950–1960-х гг. не только для осмысления процессов демократизации, но и для продвижения демократии в незападном мире, в 1980–1990-х гг. сменилась *транзитологией*, или *теорией демократического транзита*, призванной осмыслить политические процессы в индустриально развитых странах (в ряде стран Латинской Америки, в постсоциалистических странах). Обе указанные теории восприняли практически в качестве аксиомы трактовку демократии и ее необходимых признаков, разработанную Р. Далем. Наиболее известными исследователями, внесшими вклад в теорию демократического транзита, стали Т. Карл, Ф. Шмиттер, Г. О’Доннел, А. Пшеворский, С. Хантингтон, Л. Даймонд, Р. Саква, Т. Карозерц. Динамическая модель переходов к демократии создана Д. Растоу. Особенности западного политического процесса проанализированы Л. Паем. Среди российских исследователей демократизации следует отметить А. Ю. Мельвиля, В. Я. Гельмана, Г. В. Голосова, В. Л. Иноземцева, Е. Ю. Мелешкину, О. Ю. Малинову.

В современной теории политики определены требования к демократической политической системе: эффективное политическое участие, политическая конкуренция/наличие политических альтернатив и право свободно выбирать между ними, равенство населения в праве на участие в политике и общественных делах, прозрачность и подотчетность деятельности властных институтов. Р. Далем выявлены ключевые признаки демократии – свободное политическое участие и политическая конкуренция. Он указал на принципиальную возможность оспаривания властного статуса правящей элиты на регулярных, свободных, справедливых выборах. Набор требуемых и достаточных условий демократии, по Р. Далю, также включает всеобщее избирательное право для взрослого населения и право избираться в органы власти/выборность должностных лиц, наличие альтернативных источников информации, свобода выражения, автономия ассоциаций [2, с. 85].

Применив формулировку А. Пшеворского «результаты, полученные согласно правилам, не определены *ex ante*», получим формулу, характеризующую демократические выборы: наличие альтернатив во время голосования, неопределенность в отношении будущих результатов и необратимость результатов голосования [3, с. 78]. В исследовании демократии также выделяются заслуги Г. О’Доннела, который «подчеркнул важность изучения “качества демократии” с позиций того, как государство предоставляет возможность людям стать гражданами» [4, р. 919].

Политологи различают сущностные и процедурные трактовки демократии. *Сущностное* понимание базируется на утверждении, что демократия как наиболее развитая политическая система является универсальной и отражает саму человеческую природу, стремление к свободе и равенству, взаимному уважению. При этом сущность демократии чаще всего раскрывается с либеральных позиций, хотя идентитарные коллективистские трактовки демократии – не менее значимая часть научных дискуссий и дискурса политиков. *Процедурные* трактовки демократии более технологичны и детальны, акценты в них делаются на возможностях и границах коллективного принятия решений, на процедурах отбора политических лидеров и элит.

Ключевым понятием в теории демократического транзита является термин «демократизация», означающий процессы перехода к демократической политической системе, преодоления отчужденности населения от политики и управления государственными и общественными делами. Указанное понятие укладывается в логику циклично-волнового понимания развития социума и, к примеру, в достаточно четкой форме представлено в работе С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» (1991). Демократизация в рамках транзитологии рассматривалась как процесс перехода от режимных изменений недемократических политических систем к транзитной политической системе и к консолидации демократии (о критике данной модели см. [5]).

С. Иссахарофф сформулировал два подхода к оценке успеха демократизации: перспективный (уверенность электората в наличии реальных путей формирования представительства) и ретроспективный (реальная способность обеспечить подотчетность власти (органов государственного управления), вплоть до отстранения от должности за неисполнение общественных интересов) [6].

Г. П. Шмит указал на *прямые* (рост политического участия граждан в государственных делах) и *косвенные* (достижение политической стабильности, экономический рост) следствия демократизации. Суть демократии он рассматривает как «в основном косвенное... коллективное участие населения в принятии решений в форме избирательного конкурса на государственные должности» [7, р. 404]. Г. Мунк, обобщая осмысление демократизации, показывает, что она может быть как «уступкой со стороны элит, когда затраты на демократию для элиты невысоки», так и результатом вынужденных действий элит «по сокращению революционных угроз снизу» [8, р. 97].

Существуют как внутренние, так и внешние причины демократизации. Внешние причины воплощаются в практике «*продвижения демократии*», применяемой США и Европейским союзом. Практика продвижения демократии, с нашей точки зрения, основывается на нескольких предпосылках:

1) убежденность в миссии развитых стран, фундированная представлениями о цивилизационных различиях, а также о «цивилизованности и нецивилизованности», сформированными в период Нового времени;

2) уверенность в моральном авторитете, основанном на успешном опыте демократического управления;

3) апелляция к универсальности принципов прав человека, политического плюрализма и отрицания деспотической власти.

США сформировали «повестку дня свободы», ЕС применяет «политики соседства», ООН готовит спецдоклады по правам человека (см. Управление Верховного комиссара по правам человека – <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>). Субъектами продвижения демократии также являются правозащитные и иные негосударственные организации, которые в XXI в. вышли на транснациональный уровень. Так, правозащитные НГО собирают информацию о нарушениях прав человека по всем странам мира, стремясь формировать глобальную публичную повестку дня по этим вопросам. Как указывает Г. Шмит, «адвокация используется транснациональными активистами как форма внешней политики... и как инструмент участия в глобальных делах... Наиболее успешные НГО применяют государственные стратегии,... создают и поддерживают постоянные группы, привлекают финансовые ресурсы, используют коллективные процессы принятия решений и разрабатывают независимые политические цели. В отличие от государств, НГО не ограничены дипломатическим этикетом...» [7, р. 411].

Продвижение демократии – краеугольный камень Стратегии национальной безопасности и внешней политики США в целом. В издании 2019 г. «Продвижение демократии: цели Службы внешней помощи США», подготовленном Исследовательской службой Конгресса США, отмечается: «Конгресс давно выражает заинтересованность в поддержке демократического управления и прав человека в других странах как средство продвижения американских ценностей, укрепления безопасности и продвижения экономических интересов США. В течение последнего десятилетия из фондов иностранной помощи выделено более 2 млрд долларов на деятельность по продвижению демократии, включая поддержку “хорошего управления” (goodgovernance), характеризующегося подотчетностью, прозрачностью, участием, эффективностью и справедливостью, верховенством права и защитой прав человека». Продвижение демократии в указанном документе также связывается с созданием демократических политических институтов, опирающихся на совместное и ответственное управление, подлинную политическую конкуренцию, борьбу с коррупцией, гражданское общество и обеспечение стандартов в области прав человека, свободные потоки информации [9].

В 1961 г. в США был принят Закон о внешней помощи, в 1983 г. – Закон о национальных фондах демократии, в 1989 г. – Закон о поддержке восточноевропейской демократии, а в 1992 г. – Закон о поддержке свободы. В 1983 г. был учрежден Национальный фонд за демократию. Это некоммерческая организация, финансируемая за счет средств Госдепартамента США. Национальный фонд за демократию не реализует свои собственные программы, но представляет гранты организациям, занимающимся вопросами защиты прав человека и демократии. Закон о поддержке восточноевропейской демократии (1989) был первоначально ориентирован на оказание помощи Польше и Венгрии, а позднее был распространен на иные страны бывшего социалистического лагеря. Закон о поддержке свободы (1992) был направлен на оказание помощи «новым независимым государствам» – бывшим советским республикам [9]. Таким образом, усилия США по продвижению демократии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. из Латинской Америки переместились в Восточную Европу (в тот период использовался термин в геополитическом смысле) и бывшие советские республики в силу того, что в этом регионе был сконцентрирован огромный потенциал ядерных и иных вооружений. Наиболее активными в этом плане были администрации президентов Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона.

В Европейском союзе, как отмечают авторы исследования «Дискурс демократии, прав человека, устойчивости ЕС и его оспаривание» (2017), вопросы демократии и прав человека вошли в политический дискурс с момента создания ЕС. В Декларации европейской идентичности (1973) были заявлены следующие принципы: решимость построить общество, «которое

отвечает потребностям человека»; решимость защищать принципы представительной демократии, верховенства закона, социальной справедливости, которые являются «конечной целью экономического прогресса и уважения прав человека» [10]. С принятием Маастрихтского договора в 1992 г. и установлением Общей внешней политики и политики безопасности ЕС провозгласил цель внешней политики – «развитие и укрепление демократии и верховенства закона, уважения прав человека и основных свобод». В 1995 г. Еврокомиссия выпустила заявление о том, что ЕС постепенно «начинает определять себя в плане продвижения демократических свобод и универсальных прав человека» [11]. В 2009 г. ЕС выдвинул идею политики соседства (Восточное партнерство), которая была призвана расширить приверженность демократии.

ЕС применяет риторику (Европа – «континент гуманных ценностей», демократии и прав человека, отличный от «жесткого и насильственного внешнего мира»), которая «напоминает риторику колониальных империй» [11]. В документах ЕС термины «продвижение демократии», «поддержка демократии», «построение демократии» используются как взаимодополняемые [12]. В 2011 г. создана Европейская служба внешних действий (https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en) с целью укрепления роли ЕС на мировой арене, более эффективного отражения своих интересов и целей, «поощрения прав человека, торговли, развития гуманитарной помощи». В Глобальной стратегии ЕС (принята в 2015 г.) признается, что «Европейский проект, который принес беспрецедентный мир, процветание и демократию, ставится под сомнение» [13]. В отчете 2016 г. по результатам реализации Глобальной стратегии ЕС под названием «Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности ЕС: общее видение, совместные действия – более сильная Европа» указывается, что ЕС более реалистичен, ориентируется на устойчивость как на один из приоритетов в соседних регионах. Указывается, что «принципиальный прагматизм будет направлять наши внешние действия в предстоящие годы» [14, р. 16]. «Устойчивость государства и общества» признается «стратегическим приоритетом в политике соседства» [14, р. 25]. Таким образом, в отличие от продвижения демократии, акцентирующего ценностное различие, концепция устойчивости является более прагматической.

Исследовательская сеть «Внешнее продвижение демократии» на базе Франкфуртского института исследования мира в 2018 г. реализовала проект по осмыслению сути демократии и практики ее продвижения. Аналитик указанной исследовательской сети Т. Фрейбург отмечает возможность для западных стран реализовывать политику продвижения демократии косвенными средствами в формах функционального сотрудничества. Посредством «внедрения стандартов правового государства, эффективного управления

в различных секторах экономики страны-доноры де-факто могут способствовать передаче демократических норм... Поддержание сотрудничества с полуавторитарными и квазидемократическими странами имеет значение для косвенных усилий по содействию постепенным процессам демократизации» [15]. А. Поппе, С. Рихтер, Й. Вольф отмечают, что хотя «демократия по-прежнему для большинства людей в большинстве стран мира остается предпочтительной формой управления, модель либеральной демократии утратила привлекательность для стран, управляемых как авторитарными, так и демократическими режимами, и явно недемократические идеи также растут... “Откат” против продвижения демократии наблюдается примерно в 60 странах» [15]. Социальным ученым и донорам следует переосмыслить продвижение демократии и его концептуальные основания, сделав эту проблему предметом обсуждения и переговоров. Либеральная демократия, понимаемая как «конституционная, представительная, индивидуалистическая, приватизационная, функционально ограниченная», больше не предполагает «четкого гегемонистского шаблона действий» и концептуальной основы продвижения и распространения [15].

Авторами проекта «Внешнее продвижение демократии» выявлены критические точки в практике «продвижения демократии». Со стороны стран-доноров отмечается отсутствие доверия и реальных рычагов влияния на процессы в странах, которые получают помощь. Со стороны получателей наблюдается усиление сопротивления против внешнего вмешательства, возникновение/провоцирование политических конфликтов, недостаточность возможностей реализации планов. В глобальном масштабе выявляется «снижение привлекательности демократии как модели политического развития», появление множества конкурирующих акторов, которые уменьшают рычаги влияния демократов [15].

Практика адвокации и продвижения демократии США также столкнулась с критикой за спорность стремления реформировать другие страны по своему образцу. Указывается, что рядом стран продвижение демократии рассматривается как вмешательство во внутренние дела. Критиками также отмечается неэффективность продвижения демократии и непреднамеренные последствия (ситуация в Ираке и Афганистане приводится в качестве примеров). Сторонники политики США по продвижению демократии указывают на универсальность ценности демократии, на нацеленность помощи США на поддержку гражданского общества, борющегося за свободу и прогрессивное развитие своих государств [9].

Демократию рассматривают как с ценностных (власть народа, права человека, выборность и подотчетность правящих кругов), так и с процедурных (механизмы и инструменты обеспечения власти народа) позиций. Консолидированные демократии отличаются устоявшимися процедурами реализации власти и неопределенными результатами в силу политической

конкуренции. Переходные гибридные политические системы характеризуются неопределенными, изменчивыми процедурами и стремлением повлиять на результат политической конкуренции. Демократические процедуры основаны на политической конкуренции, для которой необходима определенная социальная стабильность и, как писал Д. Растоу, «привыкание к демократии» («политики и электорат должны привыкнуть к новым правилам»). Д. Растоу эмпирически выявил последовательность процессов перехода к демократии: «от национального единства как подосновы демократизации, через борьбу, компромисс – к демократии» [16, с. 14]. Устойчивость демократии проявляется в выработке правил политической конкуренции. Как отмечает В. Н. Шилов, «в ряде постсоветских стран именно оспаривание результатов выборов привело к политическим потрясениям...» [17, с. 26].

Таким образом, практика продвижения демократии оправдана, если она опирается на сотрудничество и равноправный диалог, обмен опытом, функциональное сотрудничество западных стран и тех государств, на которые направлена политика демократизации (в том числе и постсоветских государств). Но для подобного диалога необходима политическая воля и совпадение интересов в определенных сферах, к примеру, в сферах безопасности, защиты окружающей среды.

Теория демократического транзита, несмотря на критику, до сих пор сохраняет научное и практическое влияние. В политической науке теория демократического транзита по-прежнему составляет основу объяснительных схем для понимания процессов политических изменений. В политической практике теория демократического транзита влиятельна в стратегиях продвижения демократии, которые, следует признать, модифицируются под влиянием меняющейся политической реальности. На первом месте выдвигаются вопросы безопасности и реализации не только гражданских и политических прав, но и социально-экономических прав. В XXI веке «на постсоветском пространстве доминируют процессы политической институционализации и властной стабилизации, ориентированные на эффективное управление, стабильное воспроизводство властных отношений, создание механизмов поддержки и легитимации власти. Сложившиеся консолидированные политические режимы не вписываются в логику линейной транзитологической модели» [5, с. 24]. Функциональное сотрудничество в различных экономических и социальных сферах, а также в области управленческих практик обладает демократизирующим потенциалом. «Старые консолидированные демократии», выступающие «промултерами» демократических методов управления, должны демонстрировать свой моральный авторитет (а не только превосходство, как прежде), силу примера успешности своего политического проекта.

Список использованных источников

1. Conceptualizing and Measuring Democracy: A New Approach / M. Coppedge [et. al.] // *Perspectives on Politics*. – 2011. – № 9(2). – P. 247–267.
2. *Даль, Р.* О демократии / Р. Даль. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 203 с.
3. *Пишеворский, А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке: пер. с англ. / А. Пишеворский; под ред. В. А. Бажанова. – М.: Росспэн, 2000. – 319 с.
4. *Kees, B.* Guillermo O'Donnell's Legacy: 'Thoughtful Wishing' about Democracy and Regime Change / B. Kees // *Development and Change*. International Institute of Social Studies. – 2015. – № 46(4). – P. 913–933.
5. *Антанович, Н. А.* Политические трансформации на постсоветском пространстве: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы / Н. А. Антанович // *Социология*. – 2007. – № 2. – С. 23–32.
6. *Issacharoff, S.* Democracy and collective decision making / S. Issacharoff // Oxford University Press and New York University School of Law. – 2008. – Vol. 6, № 2. – P. 231–266. doi:10.1093/icon/mon003.
7. *Schmitz, H. P.* Domestic and Transnational Perspectives on Democratization / H. P. Schmitz // *International Studies Review*. – 2004. – № 6. – P. 403–426.
8. *Munck, G. L.* Democratic Transitions [Electronic resource] / G. L. Munck // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, Second Edition. – 2015. – Vol. 6. – P. 97–100.
9. Democracy Promotion: An Objective of U.S. Foreign Assistance [Electronic resource] // Congressional Research Service. – Jan. 4, 2019. – Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44858.pdf>. – Date of access: 09.01.2020.
10. European Union «Declaration on European Identity» (1973) [Electronic resource] // Archive of European Integration, Bulletin of the European Communities. – 1973. – № 12. – P. 118–122. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/57092>. – Date of access: 09.01.2020.
11. The EU's Democracy, Human Rights and Resilience Discourse and Its Contestation [Electronic resource] / D. Huber [et. al.] // *Methodology and Concept Papers*. – July 2017. – № 4. – Mode of access: http://www.medreset.eu/wp-content/uploads/2017/07/medreset_cp_4-1.pdf. – Date of access: 09.01.2020.
12. The EU's Promotion of External Democracy: In search of the plot [Electronic resource] / A. Wetzel and J. Orbie // CEPS: Policy Brief. – 2012, Sept. 13. – № 281. – Mode of access: <https://core.ac.uk/download/pdf/10591228.pdf>. – Date of access: 09.01.2020.
13. A Global Strategy for the European Union [Electronic resource] // EEAS / European External Action Service. – 10.08.2018. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/49323_en. – Date of access: 09.01.2020.
14. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy [Electronic resource] // EEAS / European External Action Service. – 2016. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. – Date of access: 09.01.2020.
15. Democracy promotion in times of uncertainty trends and challenges EDP network [Electronic resource] // Peace Research Institute Frankfurt. – PRIF Report 13. 2018. – Mode

of access: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prifl318.pdf. – Date of access: 09.01.2020.

16. *Растой, Д. А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. Растой // Полс. – 1996. – № 5. – С. 5–15.

17. *Шилов, В. Н.* Демократическая политическая конкуренция и предпосылки ее эффективности / В. Н. Шилов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2014. – № 1(1). – С. 18–32.

(Дата подачи: 13.02.2020 г.)

Г. К. Аргучинцев

Белорусский государственный университет, Институт бизнеса,
Минск

H. Arguchincev

Belarusian State University, Institute of Business, Minsk

Л. В. Старовойтова

Белорусский государственный университет, Минск

L. Starovoitova

Belarusian State University, Minsk

УДК 32(323.364)

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

CHALLENGES TO THE MODERN STATE IN IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY UNDER CONDITIONS OF SOCIETY OF CONSUMPTION

В статье рассматриваются актуальные проблемы социальной политики государства в условиях общества потребления, анализируются особенности общества потребления, трансформации ценностных установок населения и вызовы для социального государства под влиянием консюмеризма, изменение социальной политики под давлением общества потребления.

Ключевые слова: общество потребления; социальное государство; социальная политика; идеология потребления.

The article discusses the current problems of the state social policy in the context of a consumer society, analyzes the characteristics of a consumer society, the transformation of the population's values and challenges for a social state under the influence of consumerism, transformation of social policy under the pressure of consumer society.

Keywords: consumer society; social state; social policy; the ideology of consumption.